

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Социальное знание не приобрело вид научной картины общества, подобной естественнонаучной картине природы, и не обладает теоретическим единством, базирующимся на некотором объективном основании. Не построена фундаментальная, согласующаяся с естествознанием социально-теоретическая модель общества, показывающая развитие всех сфер общественной жизни в их целостности, с позиции единых принципов и законов. Соответственно, поскольку отсутствует социальная теория, подобная теоретическому естествознанию, постольку социальной философии не на что опереться, кроме непосредственного исторического опыта, а у социального научного познания, в свою очередь, нет необходимой философской базы. Поэтому социальная философия и теоретическая социология по сути совпадают, социальная философия выполняет компенсирующую онтологическую функцию, как это было с натурфилософией в донаучный период естествознания.

Однако, говоря о моделях общества, не следует смешивать реальные исторические общности и теоретическую модель общества, подобно тому, как не смешивают реальное падение тел и теоретическую модель свободного падения. Естествознание не предписывает того, как должно падать тело, оно просто описывает реальное падение, т.е. то, как тело падает. Оно не говорит – правильно ли текут реки, хороший или плохой климат и т.п. То же самое можно отнести и к социально-научному познанию, которое должно указывать, что будет в том или ином случае, в той или иной ситуации. Как естествознание не указывает человеку, что нельзя прыгать с большой высоты без технических средств, что стены домов надо ставить вертикально, а фундаменты класть горизонтально, – оно только указывает закон, а люди сами делают выбор; так и социально-научная теория, будучи всеобщей моделью общественного развития, должна показывать его закон, на основе которого люди могут делать сознательный выбор технического и социального действия.

От Ньютона никто не требовал определения способов применения открытого им закона всемирного тяготения и тем более способов его преодоления. Важно то, что стало понятно, почему стены домов должны быть вертикальными. Так и знание законов социальности должно явиться для социального конструирования тем же, что и законы механики для

строительства зданий. Научные законы не предписывают ни истинное количество этажей в домах, ни истинные способы распределения в них квартир, они только объясняют условия, которые надо соблюдать, чтобы дома и общества не разрушались сами собой.

Естествознание, объясняя природу, устанавливает некие ограничения, запреты в области материально-технической деятельности, оно указывает – *что* невозможно или нельзя делать и только через это “невозможно” и “нельзя” определяется круг того, что возможно и можно. Видимо, и социально-научное знание должно работать по этой же схеме и определять те состояния общества, которые невозможно осуществить или нельзя допускать, иначе оно погибнет, а на этой основе уже очерчивать круг возможных состояний, определять “коридор решений”.

Социально-научное знание представлено на эмпирическом уровне и лишено социально-теоретических оснований, функции которых выполняют определенные элементы идеологической сферы. Обществознание, в отличие от естествознания, не объясняет практику, а идеологически обслуживает субъектов социальной деятельности в их взаимной борьбе друг с другом. Соответственно, если практическая полезность естествознания является общечеловеческой, поскольку знание природы для всех полезно само по себе, то знание законов общества как такового, напротив, не содержит какой-либо конкретной полезности. Социальное знание становится полезным тогда, когда оно учит способам ведения социальной борьбы. Умение “перехитрить” природу и умение перехитрить человека – это качественно разные умения.

На протяжении многих лет в широком употреблении находится тезис о том, что по мере увеличения масштабов общества возрастает потребность в научных основаниях управления им. Прикладное социальное знание, безусловно, необходимо для выживания в борьбе за существование в пределах самого общества. Сюда можно отнести социологию, психологию, политологию, экономику. Но все это по типу знания принципиально не отличается от естествознания, обеспечивающего возможность выживания людей в природе.

Как и естествознание, научно-теоретическое социальное познание предполагает возможность построения идеальной модели объекта в качестве основного средства познания. В обществознании появлению научной теории мешает его идеологический характер, поэтому в нем господствует плюрализм. На собственно научной основе, – в социологии, психологии, – осуществляется разработка средств борьбы (экономической, политической,

идеологической, военной). Теоретическое социальное познание не в состоянии ни построить модель всеобщей социальной гармонии, ни обосновать чье-либо преимущественное право на существование. Поэтому социальная теория всегда остается, во-первых, утопией и мифом, а во-вторых, идеологией, духовным средством реализации определенных материальных интересов. С одной стороны, она направлена на предотвращение вхождения общества в состояние тотальной войны всех против всех, а с другой – мобилизует людей на борьбу за свое выживание.

В философском осмыслении общества есть три исходных проблемы, задающих своими альтернативными решениями разные системы социального знания. Две из них являются общеполитическими. Первая, *базовая мировоззренческая*, состоит в признании или отрицании существования объективной (не зависимой от человека) реальности и дает нам противоположные направления – субъективизм (совпадает с субъективным идеализмом) и объективизм. В частности, с позиций субъективного идеализма субъективное представляет собой самостоятельную реальность, ни из чего не выводимую, следовательно, в социальной деятельности отсутствует объективная закономерность, она осуществляется при полной свободе воли (в ней царит абсолютный произвол), непознаваема и непредсказуема, в управлении ею господствует интуиция. Доведенный до логического конца субъективизм (субъективный идеализм) перерастает в *солипсизм*, признающий реально существующим только *мое* человеческое “Я”. Последовательная линия объективизма приводит к мысли о существовании объективной реальности самой по себе, как таковой, здесь субъективное есть отражение объективного, вторично и производно от него. Система научно-социального знания опирается на объективизм, в рамках которого возникает вторая проблема, состоящая в вопросе о содержании объективной реальности, объяснение которой тоже альтернативно. Т.е. в случае признания объективной реальности возникает вопрос о ее природе: либо это единственно существующий материально-предметный мир, для которого духовность, заключенная только в человеческой голове, есть его свойство (материализм); либо сам материальный мир есть нечто вторичное, производное, сотворенное неким духовным абсолютом – первичным элементом объективной реальности (объективный идеализм).

С позиций объективного идеализма в основе объективной реальности лежит некое идеальное начало (абсолютная идея, мировой разум, Бог и т.п., воплощающие в себе первоначало всего сущего, – природы, общества,

человека с его сознанием), в социальной деятельности необходимо руководствоваться нормами духовного абсолюта, например, Бога как творца природы и человека. В рамках материализма под объективной реальностью подразумевается природа, никем не сотворенная и неуничтожимая, не имеющая в своем существовании ни начала, ни конца, заключающая свою причину в самой себе и породившая человека. Научное познание ограничивает объективную реальность материальной предметностью. Вместе с тем, по схеме вульгарного, натуралистического материализма общественная жизнь представляет собой разновидность естественного процесса, в социальной деятельности необходимо следовать законам живой природы, что тоже не соответствует критериям научного познания.

Здесь надо учитывать еще одно обстоятельство. Объективная реальность в чистом виде эмпирически недоступна и в качестве предмета философского рассуждения не выводима за рамки пустой абстракции. Поддающимся конкретизации предметом философствования является существование человека в объективной реальности с равно возможным акцентированием как на самом существовании, когда его субъективность выступает на передний план, так и на объективной обусловленности человеческого существования, первичной по отношению к его субъективности. В первом случае различия в понимании, истолковании объективной реальности не оказывают существенного влияния на ход философского рассуждения, во втором случае оно имеет принципиальное значение для понимания, истолкования самого человеческого существования.

Исторический материализм, вопреки идеализму, отвергает всякую внечеловеческую субъективность, т.е. никакого духовного абсолюта объективно не существует, сознание ограничивается человеком; а вопреки натурализму, им признается активность субъектов в рамках действия объективных законов материальной предметности. Материализм в социологию ввел К. Маркс, разработавший основы методологии исторического материализма. В частности, он показал, что объективная закономерность человеческой жизни состоит в необходимости осуществлять материальное производство, однако объективное содержание (закон) материального производства осталось нераскрытым. В результате объективное и субъективное в общественной жизни так и остались в отрыве друг от друга. Объективность оказалась ограниченной необходимостью материального производства и подчиненностью законам природы в его осуществлении (в технике и технологии), а субъективность в конечном счете

осталась произволом – в потребностях, неизвестно почему неуклонно возвышающихся, и в самом труде, неизвестно как перерастающем из жесткой необходимости в первую жизненную потребность (при коммунизме).

Таким образом, объяснение общества всегда вписывается в рамки определенных философских направлений, каждое из которых имеет равное право на существование; на основе субъективного идеализма, объективного идеализма и материализма, как исходных допущений, строится своя система объяснения мира и человека. Однако не все из них согласуются с позитивным социально-научным познанием, если его не ограничивать прикладным, описательным характером на эмпирическом уровне исследования, а доводить до формирования социально-научной теории. С позиций субъективного идеализма определяющим фактором общественного развития является свободная воля людей, и никакой объективной закономерности в нем не обнаруживается. Объективный идеализм порождает телеологическую модель общества и требует допущения той или иной формы сверхъестественных сил, что делает ее неverifiedи несовместимой с научным пониманием общественной жизни. Натуралистические схемы в теоретической социологии не позволяют определить новое качество общества, специфику самой социальности, отличающей его от природы.

Мировоззренческой и методологической базой социально-научного познания является исторический материализм, кладущий в основу общественной жизни объективно-закономерный процесс материального производства. Его теоретическую основу составляют законы природы, в соответствии с которыми функционирует и развивается техника. Технические системы создаются искусственно, в соответствии с потребностями людей, но сугубо по законам материальной предметности (природы). Иначе говоря, здесь человек сам определяет, что и в каком количестве ему создавать, однако он делает это в соответствии с естествознанием, – в технической деятельности он действительно свободен в пределах осознания необходимости (закона), при отсутствии такого осознания свобода сменяется слепым произволом, ведущим человека в тупик.

Теоретическое естествознание исходит из признания законов объективной реальности (законов природы), исключая произвол в области предметной жизни (технической деятельности) как со стороны людей, так и со стороны некоего духовного абсолюта. Законы природы составляют единственное ограничение свободы материально-предметного

творчества людей. Иначе говоря, человек может делать все, но только в соответствии с этими законами. Никакой другой свободы воли, кроме их собственной, им не противостоит. Признание инопланетного разума, аналогичного человеческому, не меняет сути дела. Таким образом, *современное* теоретическое естествознание в мировоззренческом плане опирается на единую исходную материалистическую предпосылку.

Какого-либо иного подхода к социально-*научному* рассмотрению человеческой жизни нет. Если допустить в ней наличие произвола (абсолютной свободы воли) со стороны самих людей или со стороны некоего духовного абсолюта, то ни о каком *научном* познании общества и человека говорить не приходится. В устройстве своей социальной жизни, то есть в создании системы общественных отношений, как и в создании своей материально-предметной жизни (технических систем), человек тоже полностью свободен, но в рамках действия объективных законов. Следовательно, социально-научное познание также опирается на исходную материалистическую предпосылку (исторический материализм). Весь вопрос состоит в определении этих объективных законов общественной жизни. В материально-предметной (технической) деятельности такие законы, ограничивающие и задающие ее направления, известны, – например, закон сохранения и превращения энергии, не позволяющий создать вечный двигатель, но, тем не менее, не препятствующий росту энергетических мощностей. Соотношение свободы и необходимости в социальной деятельности менее определено. Именно здесь пролегает линия социально-научного познания. Образно говоря, предстоит ответить на вопрос, есть ли какие-либо абсолютные ограничения в социальной деятельности, подобные ограничениям в технической сфере

Именно здесь возникает третья базовая социально-философская проблема, которая имеет в своей основе конкретное технико-экономическое содержание и сводится к вопросу о возможности или невозможности всеобщего выживания людей. Исходная методологическая позиция в рассмотрении общества состоит в определенном, однозначном ответе на вопрос о том, может или не может общество (человек как вид) в принципе полностью обеспечить себя необходимыми ресурсами жизни, то есть обеспечить полное выживание всех своих членов, подразумевая под полным выживанием принципиальную возможность для каждого отдельно взятого индивида прожить всю жизнь, продолжительность которой определяется его естественными особенностями и достижениями цивилизации. Выбор ответа

здесь не связывается с вопросом о численности народонаселения (за исключением абстрактных предельных значений) и действием всякого рода случайностей на уровне индивидуальной и общественной жизни. Критерием принципиальной возможности полного обеспечения общества ресурсами жизни является отсутствие необходимости внутривидовой борьбы за их распределение. Иначе говоря, это главная теоретическая альтернатива в объяснении законов общественного бытия, а именно – может или не может человечество обеспечить в процессе материального производства всеобщее благополучие, то есть (в простом витальном измерении) накормить, обууть и одеть всех жителей Земли? Либо “да”, либо “нет” – именно тут находится ключ к пониманию человеческого способа жизни.

В зависимости от ответа мы получаем два варианта понимания всеобщего социологического закона, в соответствии с которым возможны принципиально разные социально-теоретические модели общества. На базе любой из двух противоположных посылок строится самостоятельная система социальной философии и философской антропологии. Следовательно, прежде, чем начинать *теоретические* дискуссии по тем или иным социальным проблемам, надо определиться с выбором исходной позиции. Если они разные, то дискуссия оказывается бессмысленной.

Величайший миф индустриальной эпохи – это вера в абсолютный прогресс, позволяющий обществу достичь гармонии во всех сферах бытия на основе неуклонного роста производительных возможностей. При всей гуманистической направленности он в конечном счете всегда служил прикрытием и оправданием глубокой социальной дифференциации, вселяя в представителей низших слоев веру в лучшее будущее, общеисторический оптимизм, выходящий за пределы живущего поколения. От религиозного мифа он отличается только тем, что во главу угла ставит другой источник всеобщего блага – труд на основе научно-технического прогресса.

Исходя из этого мифа, сформировалась и основная социально-философская парадигма, единая для большинства направлений, зачастую далеко отстоящих друг от друга в общефилософском плане. В соответствии с ней несовершенство человеческого бытия обусловлено главным образом действием “закона людей”, а не “закона вещей”. Это означает, что со стороны природы нет непреодолимых препятствий для нормального обустройства жизни людей; основные препятствия на пути к такому обустройству исходят от самих людей, от их собственных пороков и неумения наладить свою общественную жизнь. Иначе говоря, люди могут

преодолеть природу, но не могут преодолеть себя. Отсюда следуют два альтернативных вывода: либо надо менять существующую систему отношений, создавать новую, обеспечивающую каждому индивиду возможность человеческого существования (путем социальной революции или социальных реформ); либо надо смириться и принять все как предустановленную данность природного или божественного происхождения.

Дальше всех в раскрытии закона вещей пошел К. Маркс, показавший, как из особенностей материальной жизни проистекают особенности общественного устройства. По К. Марксу, на определенном этапе материально-технического развития, когда наука становится непосредственной производительной силой, а человек вытесняется из непосредственного производственного процесса и начинает управлять им, общественное устройство становится последним и единственным препятствием для обеспечения всеобщего блага. Устранив это препятствие и опираясь на высокоразвитые производительные силы, люди смогут вступить в подлинное царство свободы, как над вещами, так и над самими собой; и тогда ничто уже не будет мешать неограниченному прогрессу во всех сферах человеческого бытия, причем все будут иметь равный доступ к достижениям этого прогресса. Слабым местом марксистской модели общества является отсутствие ее позитивно-научного обоснования, вследствие чего, как и в объективно-идеалистической схеме, в основу направленности общественного процесса кладется допущение абсолютного прогресса, а на первый план выступает фактор коммунистического воспитания человека.

В рамках абсолютистской модели общества параллельно с марксистской сформировалась и сейчас стала господствующей противоположная оценка человеческого фактора, которая состоит в том, что именно коммунистические отношения являются тормозом, мешающим реализовать людям все свои потенциальные возможности для своего собственного и общего блага. Только свободная деятельность и личная предприимчивость на базе частной собственности позволяют обществу достичь наиболее высоких результатов и обеспечить соблюдение естественного равенства людей, состоящего в личной свободе и равенстве прав.

Что касается выбора научной методологии социального познания, то следует признать, что только с позиций исторического материализма

возможно рациональное, научно-теоретическое описание и объяснение общества и человека.